

ЕВГЕНИЙ ПАНОВ

**Душа не выстрадает счастья,
но может выстрадать себя**

Евгений Панов

**Душа не выстрадает счастья,
но может выстрадать себя**

«Издательские решения»

Панов Е.

Душа не выстрадает счастья, но может выстрадать себя /
Е. Панов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837477-7

Новая медицина — вот что сегодня больше всего нужно людям, ибо старая — как академическая, так и альтернативная — с очевидностью обнаруживает свою беспомощность. И ростки новой, гуманистической медицины уже есть. Она уже сейчас приносит удивительные плоды — несмотря на ожесточенное сопротивление носителей прежних подходов. В современных методах используются эзотерические знания и приемы, близкие к магическим, потому что — на самом деле! — нет ничего обыденнее магии.

ISBN 978-5-44-837477-7

© Панов Е.
© Издательские решения

Содержание

Душа не выстрадает счастья, но может выстрадать себя	6
Начало и конец, конец и начало	6
Неоконченная повесть	8
«О, если б знал, что так бывает, когда пускался на дебют...»	10
В потоке	12
Падение в экономическую яму	14
Предварительные итоги (материя)	16
Предварительные итоги (дух)	18
Вторжение в медицину	21
Ветеринарный абсурд	26
Принуждение к развитию	30
Видение	32
Контакты и люди	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

**Душа не выстрадает счастья,
но может выстрадать себя
Евгений Панов**

© Евгений Панов, 2017

ISBN 978-5-4483-7477-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Душа не выстрадает счастья, но может выстрадать себя

Начало и конец, конец и начало

Было это зимой 1986 года. Одним ничем не примечательным вечером Павел Андреевич Сенин пришел с тренировки, сел ужинать и включил телевизор. Шла адресованная рационализаторам и изобретателям передача под названием «Помогите, нужна идея». Помочь требовалось северянам: придумать устройство по очистке цистерн от мазута, без которого мучались железнодорожники, вынужденные разгружать и мыть цистерны на сорокаградусном морозе.

Сенин слушал ведущего вполуха, но вдруг неожиданно для себя оторвался от тарелки и сказал:

– Надо насосы поставить прямо в цистернах, и никаких проблем с разгрузкой, и чистить не надо. Ничего сложного!

Сказал и сам удивился. И жена Тамара посмотрела на него с удивлением:

– А ведь ты, Паш, наверно, правильно говоришь.

Для удивления повод был – и у самого Павла, и у Тамары. Сенин работал инструктором по спорту, тренировал мальчишек, никогда ничего не изобретал, никаких рацпредложений не подавал, технического образования не имел и вообще от этой сферы был куда как далек.

Ну, поудивлялись немного – и забыли. Но как оказалось, ненадолго. Через неделю, в такой же зимний вечер, снова включили за ужином телевизор на кухне и снова попали на ту же передачу. На сей раз изобретателей просили дать, наконец, надежную и эффективную машину для очистки дорог и тротуаров от снега и наледи. Уж сколько лет пытаются сделать такую машину в России, предложены десятки, если не сотни конструкций, и ни одной удачной.

– Что ж, надо подумать, – сказал Сенин.

Кому сказал? Жене? Или – себе? Или просто так сказал, в пространство? Сказал и сказал. Без всяких обязательств. Никаких идей в тот миг у него в голове не было.

Обычно после тренировки Павел засыпал сразу и спал как убитый. А тут сон не шел. Какой должна быть эта чертова машина, чтобы и лед срубала, и работать было удобно, и весила бы не тонну? Впервые в жизни Сенин испытывал муки творчества, напрягал извилины до пота на лбу, но удачной идеи по-прежнему не было. И вот тогда, когда заскрежетал зубами от бессилия, вспыхнул у него перед глазами экран, на котором возникли чертежи машины в целом, а также отдельных деталей, узлов, их сопряжения, крепежа, такие ясные, словно на экране телевизора, да еще со всякими подробностями. А в ушах у Павла зазвучал Голос. Точнее, он зазвучал где-то прямо в голове, говоря «надо сделать так-то, так-то и так-то, в такой-то последовательности». Появляется перед глазами чертеж, в голове слышится Голос... Потом Голос умолк, «экран» погас, и Сенин, совершенно ошеломленный, остался лежать в темноте, понимая, что только что получил невесть откуда конструкцию снегоуборочной машины – изящной, компактной, удобной и что запомнил все услышанное и увиденное до последнего винтика, да так крепко запомнил, что уже никогда не забудет. И заснул, обессиленный и почти счастливый.

Проснувшись утром, Павел отчетливо вспомнил все, что показали ему ночью. Подумал: ничего себе сон! И рисуют, и рассказывают. И Голос такой приятный – мужской, грубо-

ватый. Спокойный, уверенный, надежный. Ну что ж, спасибо за идею. Идея, видно, неплоха. Жалко, если пропадет. А что делать, чтоб не пропала? Написать на телевидение? Наверно...

Сенин засел за письмо. Сочинял его в муках дня три, хотел изложить пояснее, какой должна быть машина для уборки снега и льда с тротуаров. А заодно приписал и про мазутные цистерны, на которые надо ставить насосы.

Отправляя письмо в Москву, он и не подозревал, что его прежняя жизнь кончилась и начинается новая.

Неоконченная повесть

– Я и сейчас помню те чертежи до последнего винтика, – говорит мне Сенин.

Мы сидим в директорском кабинете организованного им медицинского центра. Вернее, кабинетике. Центр арендует несколько маленьких комнаток. Здесь принимают пациентов амбулаторно, проводят необходимые процедуры и отпускают домой, не оставляя на лечение – сие не положено. На дворе – осень 2006 года. С той ночи, когда в мозгу Павла Андреевича впервые зазвучал таинственный Голос, прошло больше 20 лет...

Нас свел знакомый. О сенинском Центре он говорил восторженно: «Фантастика! Чудеса! Они излечивают рак в 4-й стадии! По уникальной методике! Вам обязательно надо там побывать!» А вскоре позвонил сам Сенин, пригласил приехать: «Вы, мне говорили, сможете о нас написать...»

И вот сидим в его кабинетике, присматриваемся друг к другу. Сенину – между сорока и пятьюдесятью. Красив. Крепок, подтянут, силен – рукопожатие просто стальное. Грустные глаза, странный взгляд – вовнутрь себя. Говорит тихо, тяжело заикается, к тому же тщательно подбирает слова, боясь, видимо, быть не понятым или вообще показаться сумасшедшим.

– Чтобы о ваших делах смог рассказать я, прежде о них должны рассказать вы, – говорю я Сенину. – Поэтому – рассказывайте. Все, что было и есть. От начала и до сегодняшнего дня.

– Хорошо, – через силу соглашается он.

Его рассказ продвигается мучительно медленно. Но все-таки как-то продвигается и даже постепенно оживляется – видя, что психом я его не считаю, Павел Андреевич раскрепощается, говорит бойчее, заикается меньше...

Нет, он, упаси Бог, не сумасшедший. Он – контактер. Или, как говорит известный российский уфолог Владимир Ажажа, – «контактант», это слово кажется ему более точным и благозвучным. То есть человек, принимающий информацию из неизвестного источника, получающий послания от Неведомых Сил, которые называют себя, например, Космическими Сущностями, Вознесенными Учителями человечества, представителями иных миров, внеземных цивилизаций, посланцами Высшего Разума... да мало ли чем и кем, хоть ангелами небесными. Из принятых и записанных контактантами посланий возникла целая «литература ченнелинга» (от английского «ченнел» – канал, то есть канал передачи и приема сообщений). Известно, например, целое собрание текстов от Владыки Фиолетового луча Сен-Жермена. Весьма плодovit «сотрудник магнитной службы» Крайон. К контактерской литературе, строго говоря, относятся и «Тайная доктрина» Елены Петровны Блаватской, и «Агни-Йога» Елены Ивановны Рерих, причем имена их истинных авторов – не тайна. Так, Блаватской диктовал посвященный Джоал Кхул, а ее «сменщице» на связи с Иерархией, Элис Бейли, – посвященный Кут Хуми. И тот, и другой хорошо известны в эзотерических мирах.

Иной раз, однако, информаторы остаются безымянными. Источник, с которым на протяжении уже 20 лет общался Сенин, своего имени и происхождения не раскрыл. Для себя и про себя Павел Андреевич звал его сначала «Голосом», потом – «Видением», затем – «Тамарой». Стояла за ними одна Сущность или разные Сущности, а если разные, то сколько их было, он так и не разобрался.

Первый контакт, как уже сказано, состоялся зимой 1986 года. До этого ничего особенного в жизни Сенина не было. Родился в селе в Курской области, там же провел младенчество и детство. На шесть с половиной лет семья перебиралась на юг, в шахтерский край. За эти шесть лет Павел успел стать настоящим спортсменом. Потом вернулись на родину – отец так и не прижился на шахте. Отслужив в армии и женившись, Павел покинул село, переехал

в городок на окраине Московской области, работал бульдозеристом, шофером, монтажником, спортивным инструктором, тренером. Потом начались новые дела.

Они наметились той самой зимой 1986 года и постепенно завладели всей жизнью Сенина. Он к ним не стремился, даже не помышлял о них и, честно говоря, помыслить не мог, но вот плотно заниматься ими пришлось именно ему. С этой поры он – совершенно неожиданно для самого себя – стал изобретать разные машины, приспособления, устройства, а с 1991 года еще и создавать лекарственные препараты. «У меня целая коллекция патентов и авторских свидетельств на мое имя, – немного смущаясь, признался Сенин, – однако все мои изобретения в действительности не совсем мои или даже совсем не мои». Их идеи, сопровождавшиеся подробной проработкой – чертежами, расчетами, рецептурой, описанием технологических процедур – приходили в контакте.

Для контакта информаторами были выбраны сны, «которые в то же время и не сны или не совсем сны». Просыпаясь утром, Сенин переносил ночные подсказки на бумагу, потому что накрепко запоминал схемы машин и рецепты лекарств, регистрировал изобретения под своим именем и пытался донести до всех, передать данное Неведомым Источником через него людям, то есть, – внедрить.

Рассказ Сенина – про муки внедрения. Но, разумеется, не только. Впрочем, вы все узнаете, прочитав эту небольшую повесть. Она почти документальна, почти биографична, ее фактическая основа – реальные события, происходившие в жизни Павла Андреевича Сенина. Излагая его историю, я следил, чтобы к фактам не примешались мои невольные выдумки и старался вмешиваться в нее только при необходимости. Иной раз без этого было не обойтись: рассказы Сенина отчасти противоречивы, хронология событий соблюдается не всегда. Его оценки контакта за 20 лет, как ни удивительно, не устоялись... А вот комментарии к фактической основе принадлежат мне, равно как и ссылки, справки, параллели, короче, весь дополнительный материал. Не знаю, понравился бы он Сенину. Как и вся повесть – Павел Андреевич успел прочитать только пересказ своей истории. Потом он исчез. Говорили, уехал за границу, не то в Турцию, не то в Болгарию, не то еще куда-то. Так что совместную работу мы до конца не довели, повесть, увы осталась незавершенной. Будем надеяться, что рано или поздно ее допишет жизнь.

«О, если б знал, что так бывает, когда пускался на дебют...»

Побуждение внедрить изобретения, охватившее Сенина, было вполне естественно и понятно. Ночные подарки Неведомых Благодетелей были хороши, это Сенин, как всякий сельский парень, сызмальства имеющий дело с техникой, как бывший солдат автороты, как тракторист и шофер оценить мог. Жалко, если пропадут. Что же делать, чтобы не пропали? Пустить в общий обиход, что и означает – внедрить.

А как? Сенин не знал. Не знал, что такое внедрять изобретения в Советском Союзе. А если бы знал?

О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют,
Что строчки с кровью – убивают,
Нахлынут горлом и убьют! —

написал Борис Пастернак. Написал про участь поэта, но участь изобретателя не легче. Сенин это понял быстро. Когда не по собственной воле ему пришлось вкушать черствого изобретательского хлеба.

...Весной 1986 года от авторов передачи «Помогите, нужна идея» пришел обнадеживающий и одновременно обескураживающий ответ: ваши предложения содержат элементы новизны, приглашаем вас участвовать в телевизионном конкурсе, для чего вам нужно сделать то-то и то-то, а первым делом оформить заявку на изобретение.

Легко сказать – оформить! Сенин не имел ни малейшего понятия, как это делается. С кем бы посоветоваться?

Стал искать, с кем. И выяснил, что в их городишке изобретениями не занимаются, за советом надо ехать в Москву, а вот специалист по рационализаторской работе есть, он ведет прием в здании городской администрации. Пошел к нему: скажите, что делать, с чего начать?

Тот посмотрел наброски – копии посланных на телевидение – и сказал:

– Ого! Молодец! Вези все это добро в Москву, там дадут ход.

Нет, сказал Сенин, не поеду. Далеко. Дорого – у нас каждый рубль на счету. Потрачусь на дорогу, а чем возмещу трату? Тут ведь никаким доходом и не пахнет, верно? Да, до изобретательских вознаграждений тебе пока далеко, подтвердил специалист. Значит, одни расходы, подвел итог Сенин. Ради них, что ли, семь верст киселя хлебать?..

А спустя неделю снова побеспокоил его тот же Голос в ночи. Предлагает новую идею – устройство для мойки стекол теплиц. Практично и удобно. Ставятся две стойки по краям теплицы на расстоянии метров в сто друг от друга. Или двести. Или, если хочешь, пятьсот. Между ними прокладывается что-то вроде рельсов, по которым ездит что-то наподобие башенного крана и моет стекла с помощью специальных насадок. Снимать стекла не надо... И ведь так можно не только стекла мыть, но и стены, потолки. И снаружи, и изнутри. Любой угол наклона устанавливается без труда... Хорошая, одним словом, штукавина. «Но мне-то зачем она нужна? – недоумевал Сенин. Недоумевал и начинал потихоньку злиться. – Неизвестно, что с тем-то добром делать, а тут еще новое. Почему вдруг такие странные сны стали сниться? Что этот Голос ко мне привязался? Я его не звал, ничего у него не просил. От его подарков одно беспокойство. И обратить в пользу себе и другим их не могу, и выбрасывать жаль».

Снова пошел в городской «Белый дом» к специалисту по рационализаторской работе. Что все-таки делать?

– Все-таки езжай ты в Москву, – повторил тот, – В Областной совет ВОИР – Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов. Здесь ничего не высидишь. Вот тебе адрес.

Ехать Сенину не хотелось, поездка «кусалась», но поехал. Дождался приема у эксперта, показал эскизы. У того разговор короткий: это не пойдет, и это, это тоже не годится. Как же так? – растерялся Сенин. С телевидения ответили, что «содержатся элементы новизны», специалист в их городке одобрил, а тут – категорически «не пойдет». Но делать нечего, спорить не мог, не умел, доводов веских не было, так что возвратился домой несолоно хлебавши. Усталый, если не сказать – подавленный. Виду не показал, но переживал неудачу тяжело и долго, месяца два ходил сам не свой.

Все это время Голос Павла Андреевича не беспокоил, видно, давал отдышаться. А едва пришел в себя Сенин, снова объявился, снова развернулся перед глазами экран с чертежами, на сей раз – картофелеуборочного комбайна. А после, закончив объяснения, Голос впервые обратился прямо к Сенину и стал настойчиво убеждать его ехать с идеей комбайна в Москву, в тот же Областной совет ВОИР. А Сенин – впервые – начал Ему отвечать. Вернее, с Ним спорить. Был я, мол, в вашем Совете, толку никакого, так какой смысл опять тащиться за тридевять земель, выкладывать деньги за билет? «Ты должен! – настаивал Голос. – Иди к другому консультанту, и у тебя все получится!»

Ну, чем черт не шутит... Голос, наверно, зря обещать не станет, да и комбайн уж больно хорош – это крестьянский сын Павел понял сразу. Старательно нарисовал эскизы, поехал. В Облсовете дождался приема у другого консультанта.

– Молодец! – сказал тот, посмотрев сенинские бумаги. – Поможем тебе оформить заявку.

Обрадованный Павел – была, не была! – показал консультанту эскизы устройств, забракованных в прошлый раз.

– Ты что, парень? – удивился консультант. – Ты уже опоздал. Наш сотрудник уже запатентовал насос для цистерн, – и достал журнал, где описано это самое изобретение за авторством... ну конечно, того самого эксперта, что в прошлый раз заявил «не пойдет!» и фактически выставил Сенина за дверь.

Тут в кабинет, как нарочно, вошел тот самый эксперт. Увидел Павла и поспешил исчезнуть.

– Вот он у меня насос и украл! – не смог сдержаться Сенин.

– Как?! – поразился консультант.

– Я у него был с этой идеей с полгода назад. Он меня отшил, а изобретение, выходит, присвоил.

– Не врешь? Пойдем-ка к председателю.

Председатель Областного совета эксперту сначала не поверил, потом попросил принести журнал регистрации. Там значилось, что Сенин действительно был в Областном совете и действительно был принят тем самым консультантом.

– Поезд ушел, – сказал председатель, – это изобретение уже не вернуть, оно принадлежит другому человеку. Мы с ним разберемся, а тебя прикрепим к постоянному консультанту.

С экспертом-вором действительно «разобрались» – выгнали, а тот консультант, которому поручили работать с Сениным, оказался хорошим специалистом. Он многому научил Павла, когда тот стал носить заявку за заявкой. Идей хватало, потому что ночной Голос общался с ним часто. В свой срок Сенин получил первое авторское свидетельство. В свой срок – первый патент.

В потоке

В свой срок был оформлен второй патент, затем третий, четвертый... Почти все идеи Голоса удалось Сенину довести до патента. Но именно «почти». Моечную машину для стекол так и не довел. Длительная переписка ни к чему не привела, и Сенин махнул рукой, не стал больше тратить время и деньги. Уже тогда догадался: чем технология уникальней, тем труднее получить патент. А если технология вторична, неинтересна, патент получить легко. Задумка моечной машины была первична, плодотворна, могла реализоваться в целом спектре устройств, принцип действия хорошо ложился в основу механизмов самого разного предназначения... Поэтому ей трудно было воплотиться в металле. Идея станка по резке металла тоже могла породить целый спектр агрегатов – устройства получались в чем-то похожим на известную пилу «Дружба» – хочешь, делай их переносными, хочешь, стационарными... Эта идея тоже была обречена от рождения, что уже набравшийся элементарного изобретательского опыта Сенин понял быстро и переживать не стал – пусть переживает Голос, то есть, истинный автор, если, конечно, Он способен переживать...

Но Голос, похоже, тоже не печалился. Идеи текли к Сенину полноводным потоком. Канал контакта работал исправно.

– Стоп, стоп! – осаживал его эксперт из Областного совета ВОИР. – Остановись. Нормально подавать одну-две заявки в год. А ты нас идеями просто завалил.

– А разве нельзя подавать больше, чем две? – спрашивал Павел Андреевич. – И вам хорошо, больше «галочек» поставите.

Со временем он научился сам оформлять заявки, сам вести патентный поиск в библиотеке, оценивать достоинства и недостатки прототипов, рассчитывать экономический эффект. Приобрел опыт общения с экспертами-консультантами, чиновниками от изобретательства. Знал заранее, где начнут тормозить, – это, дескать, было, знал, как отключить чиновничьи «тормоза», доказать, что – «не было».

А главное, Сенин постепенно привык к ночным сеансам «передачи идей» и даже стал воспринимать их как должное. После первых явлений Голоса, вспоминая утром невероятное ночное событие, он думал, что тронулся умом или, в лучшем случае, впал в бред. Что за потусторонние голоса нашептывают о каких-то небывалых машинах? Что за фильмы мелькают перед глазами? И почему они настолько реальны, конкретны, полны подробностей, почему остаются в памяти, а не рассеиваются как наваждение, как дым, как утренний туман, не забываются при пробуждении, как большинство обычных снов?..

Сам ответить на все эти «что?» и «почему?» Павел не мог, спросить было не у кого, да и вообще, у кого спросишь про такое? Так что шок от первого контакта поневоле, под давлением обстоятельств жизни потихоньку прошел, будни сгладили остроту переживаний. Сенин старался не задавать себе бесполезных вопросов, заставлял привыкнуть к посещениям удивительных Сущностей или, может быть, Сил. А для внедрения полезнее всего было бы войти в роль изобретателя-самородка, автора самобытных идей – таланту из гущи народа пробиться все-таки проще. И он старался...

Однако и самородкам положено знать азбуку технического творчества. Она такова: чтобы что-то внедрить, надо сначала убедиться в его эффективности, чтобы убедиться в этом, его надо испытать, чтобы испытать, надо сначала построить. То есть, создать опытный образец, довести его до ума, оформить всю необходимую документацию и прочее, прочее, прочее, в общем, пройти через долгую и трудоемкую процедуру, в которой нельзя исключить ни один из этапов. Кто будет все это делать? Автор, ведь это ему больше всех надо. А если автор – частное лицо, не имеющее отношения к производству? Что прикажете делать ему?

Сенин рискнул обратиться к директору приборостроительного завода, где работал спортивным инструктором. Показал патенты, рассказал об изобретениях, расписал, как мог, возможную экономическую выгоду. «На моих машинах и устройствах вполне мог бы держаться самостоятельный малый, а то и средний бизнес, предпринимательские структуры при заводе, – убеждал он директора. – Помогая мне, завод ничего не теряет, а выиграть может немало». Директор доводам внял и приказал для начала организовать нечто вроде временного творческого коллектива из спортивного инструктора Сенина и двух инженеров-конструкторов. Они должны были переводить разработки на профессиональный конструкторско-технологический язык.

Падение в экономическую яму

Силами ВТК была доведена до ума идея машины для чистки тротуаров от снега и льда. На заводе сумели сделать опытный образец (хотя это дело для спецов по железу, а не для приборостроителей). Он оказался удачным. Работал без сбоев, доказывая всем свою надежность и эффективность. После отладки изготовили шесть устройств. Создали комиссию. Словно понимая важность момента, машины старались «от души». Только снежная пыль летела! На комиссию это произвело большое впечатление. Она признала агрегат работоспособным, рекомендовав лишь немного дополнить конструкцию.

Модифицированный образец сделали для коммунальных служб – по их заказу. Этой машиной мог управлять один работник, даже мог при желании усесться на нее верхом. Машина могла косить, подметать, убирать снег, скалывать лед – только меняй насадки, заменяющие метлу, скребок, косилку, пылесос или лом. Хочешь – ставь машину на колесики, чтобы дворник возил ее так, как возят моечную машину по платформе метро. Для уборки плотного снега и наледи предназначалась большая машина; ту, что служила пылесосом и веником, сделали маленькой...

Сенин предвкушал коммерческий успех, однако ни одного заказа больше не поступило. Почему, Павел понял потом, а тогда это показалось ему каким-то недоразумением, ошибкой, которую придется исправлять... но это потом, сейчас надо заняться очередным подарком Голоса – машиной для укладки стен из кирпича, прекрасно заменяющей каменщика. Директор, понимавший больше, не видел смысла в продолжении эксперимента. Сенин с трудом уговорил его не закрывать ВТК и полагал, что не зря: машина получилась быстродействующей и очень выгодной экономически, могла, повинувшись командам оператора, сама заливать раствор и класть кирпичи, причем, в хорошем темпе. Однако строителей она не заинтересовала и не привлекла на завод ни одного заказа.

После этого провала эксперимент прекратили, а Сенина, неожиданно для него, пригласили работать в кооперативную фирму, действующую как филиал крупного машиностроительного завода и занимавшуюся доводкой и внедрением изобретений, изучением возможного спроса на оригинальные устройства, машины вроде сенинского многопрофильного агрегата для коммунальщиков, рекламированием новой техники, сбором заявок и размещением заказов в заводских цехах. Ездили по совхозам и колхозам, молочным и колбасным заводикам, спрашивали, в чем у них нужда и чем мощный завод, с его квалифицированными кадрами и современным оборудованием, может им помочь. Нужна, например, вам моечная машина для доильных агрегатов? Таких машин – идею, понятно, дал Голос – кооперативу заказали две и завод их, разумеется, сделал.

Обращались в строительные и коммунальные организации, к ремонтникам, дорожникам, транспортникам, в автопарки. Что вам надо? Что вы хотели бы получить нового, чего у вас никогда не было, но облегчило бы жизнь? Какое-нибудь устройство, приспособление? Постараемся это сделать... Тогда Сенину казалось, что с помощью Голоса, а именно Он был самым ценным членом кооператива, можно действительно сделать все, что угодно. Приспособить, скажем, уже имеющуюся идею. А если этого недостаточно, создать под заявку конструкцию на уровне изобретения. И ведь действительно, в конце 80-х успели отладить нормальную экономическую схему, начать нормальную работу – нужную, интересную, творческую. Время, в целом, было неплохое – время надежд и дерзаний.

Кооператив погубили экономические реформы Ельцина – Гайдара. В 1991 году цены быстро поползли вверх и дело встало. Чтобы его спасти, кооператоры бросились в села, ища заказы на биоустановку, производящую горючий газ из навоза – компактную, экономичную, очень удобную для индивидуального отопления на селе (одна из идей, подсказанных Голо-

сом). Сенин полагал, что биоустановка может вытащить кооператив из экономической ямы. Скептиков он решил убедить, лично испытал установку. На собственной кухне.

Горючий газ при определенных условиях получался в специальных емкостях, куда помещали навоз. Вот такой бак Сенин и приволок домой, водрузил на кухне, загрузил исходным материалом и оставил на ночь – за это время процесс должен был набрать силу, достаточно, чтобы судить о производительности и эффективности установки.

Рано утром его разбудила жена:

– Слушай, у нас коровником воняет!

Бросился на кухню. Кошмар! Обогащенный горючим газом, взошедший, как на дрожжах, «воздушный» навоз разорвал емкость, выпер наружу и залил весь пол в кухне. Эх, емкость нужно было сварить, а мне спаяли! – сообразил Сенин. Сокрушаясь, он вычистил кухню. И заказал новую емкость, сварную. Привез, заполнил всякой гнилью, втащил на балкон – если разорвет, то не в квартире, на улице. Но обошлось. Емкость выдержала, газ устойчивым потоком выходил через редуктор наружу. Поднеси спичку – получишь факел. Грей воду, направляй в батареи, отапливай дом.

Факел – наподобие нефтяного – горел на балконе целых четыре дня. Установка показала эффективность и экономичность. Начинай серийный выпуск... если найдешь заказчиков. Нашли всего двух. Больше желающих среди домовладельцев не обнаружилось. А вот директора некоторых хозяйств с удовольствием сделали бы заказ – ведь дело очевидно выгодное, животноводческие фермы можно было бы перевести на «энергетическое самообслуживание», отапливать собственным навозом, но совхозная экономика не позволяла потратить ни копейки на что-то постороннее.

Так и распался творческий кооператив. И не только этот. Все фирмы и фирмочки, занимавшиеся внедрением новых технологий, новой техники и изобретений, распались... Причины очевидны: невероятная цена на материалы, ужасные, почти стопроцентные налоги. Воплощать идеи в «железе» стало практически невозможно. Сенин понял – с «железом» надо заканчивать.

Предварительные итоги (материя)

Пять лет трясла Сенина изобретательская лихорадка. Словно тяжелая болезнь, она завладела им целиком, не отпуская ни днем, ни ночью, ни в будни, ни в праздники. Ночные озарения, дневное оформление заявок, сидение в библиотеках, переговоры с экспертами и чиновниками, поиск партнеров и денег, заключение договоров, испытания опытных образцов, доводка, опять испытания... И вот – стоп, машина. На полном ходу дело налегло на непреодолимую преграду. По-видимому, изобретательский этап жизни завершен. Он начинался не по своей воле и не по своей завершил, но, тем не менее, завершил. Надо бы подвести итоги.

Сенин пристально оглядел свою ударную пятилетку, и у него задрожали руки: при беспристрастной оценке результат оказался плачевным. Потрачена уйма сил, времени и семейных денег, а не заработано практически ничего. Квартиры как не было, так и нет, нет и надежд, что она появится, по-прежнему приходится снимать жалкую «двушку» в заштатном городишке за совсем не жалкие деньги. Отношения с женой напряглись, ее здоровье ухудшается, сын лишен отцовского внимания. А главное-то, главное, совсем похолодел Сенин, практически ничего из данного Свыше, оформленного, запатентованного, построенного, испытанного, даже заказанного – не внедрено.

С горечью вспомнил он про загубленный картофелеуборочный комбайн. В этой машине заключались целых четыре новинки: подкапывающее устройство – раз, ботвоудаляющее – два, сортировочное – три, а четвертой новинкой был сам комбайн в целом. Макет подкапывающего устройства клубнеуборочной машины в половину натуральной величины сделали, как ни странно, на приборостроительном заводе – там нашлись умельцы. Испытали. Работает! И хорошо работает. Но приборостроительный завод – не то место, где нужно строить и испытывать сельскохозяйственную технику, категорически заявил в целом благожелательно настроенный директор. Что ж, Сенин через Областной совет ВОИР пробился на профильный завод сельхозмашин. В комиссии было 10 человек. Описательная часть, эскизы и чертежи ее устроили, а сам Павел Андреевич даже удостоился нескольких комплиментов от тех, кто видел явное преимущество его машины над прототипами.

Дошло до обсуждения итогового протокола.

– Ваше мнение, товарищи? – спрашивает председатель комиссии.

– Мнение хорошее, – говорит первый специалист. – Я – за.

– Ваше?

– Отличная штука, – говорит другой. – За.

Третий член комиссии тоже «за». Пятый – тоже. Седьмой – тоже. И все прочие – тоже «за». А вот десятый – против. Аргумент: подкапывающее устройство не справится с типичным российским грунтом. И этот десятый – сам председатель комиссии, он же – главный инженер завода, на котором проходят испытания и на котором, в случае положительного решения комиссии, должны выпускать сенинский комбайн.

– Почему не справится? – возражает Сенин. – Пожалуйста, обоснуйте.

– Я уже обосновал.

– А я уверен, что и подкапывающее устройство справится, и весь комбайн будет работать, – настаивает Павел.

– А я уверен – не будет. Предлагаю закрыть обсуждение.

Члены комиссии встают и выходят. Они явно в недоумении. А Сенин не просто в недоумении, он очень расстроен. Собирает бумаги и тоже выходит. Наваливается беспросветная тоска и усталость, как после проигранного боя на ринге.

– Не переживайте так, – слышит он женский голос, доносящийся словно сквозь слой ваты. Это та женщина, что назвала комбайн «отличной штукой». Она говорит негромко, потому что слова не предназначены для посторонних ушей. – У вас хорошая машина. Но наш главный инженер будет ее топить изо всех сил, потому что сейчас завод выпускает комбайн его конструкции. Вот телефон, обязательно позвоните человеку из Академии сельскохозяйственных наук, он вас поймет. Позвоните, я настаиваю. Успеха!

Позвонить Сенин мог только с работы. Телефонов тогда было мало, денег у Павла Андреевича – тоже. Или с почты, а туда надо было ехать. Но все-таки он позвонил. Человек из Академии сельскохозяйственных наук велел отладить конструкцию до блеска, чтобы ответить главному инженеру по существу и привезти ее к нему в Москву.

Отладил. Созвонился. Поехал. На автобусах. С громоздким макетом ехать было очень неудобно. С трудом добрался до места.

– И вот это он забраковал?! – возмутились специалисты Академии, имея в виду корыстного главного инженера. – Без испытаний?! Нет, эту штуку надо испытать и внедрить!

Но оказалось, что испытать комбайн можно было только в каком-то очень далеком совхозе, а добираться до него было крайне неудобно и к тому же недешево. И Сенин не поехал. Потом пожалел, но тогда просто не было возможности. Начальство косо смотрело на его отлучки, а он за место держался – жили бедно, денег вечно не хватало.

Неудачу с картофелеуборочным комбайном он пережил тяжело, пожалуй, тяжелее других неудач, потому что не проиграл в честной конкурентной борьбе, а был выставлен за дверь, оскорблен и унижен. Его небесные подсказчики и покровители защитить его не смогли, и, по сути, не его, а начатое ими же самими дело. Наверно, не в их власти отменить действующие на Земле свои, отличные от небесных, законы, предположил Сенин. Неужели же исправить их не могут даже Высшие Силы? Неужели же корыстные людские интересы на Земле важнее всех прочих интересов и потребностей, например, потребностей общего блага? Если так, то ситуация просто безнадежна, потому что подавляющее большинство людей руководствуется в первую очередь собственными, личными интересами.

А если так, с предельной ясностью понял Сенин, то все предложенные через меня замечательные вещи, которые, по замыслу Высших Сил, должны украсить и облегчить земную жизнь, совсем не нужны. И, что особенно грустно, не нужны очень многим – ведь они ущемляют интересы тех, кто не хочет ее облегчить и украсить. А самое печальное в том, что они не нужны тем, кто, казалось бы, обязан украшать и облегчать нашу общую жизнь просто по долгу службы, кто принимает решения, должны увеличивать общее благо. Строительным начальникам ни к чему механический каменщик, им выгоднее эксплуатировать каких-нибудь гастарбайтеров, платя тем копейки; начальникам коммунальным ни к чему многофункциональный уборочный агрегат, они за мизерную плату наймут дворниками бесправных приезжих. Именно личный корыстный интерес свято блюдет большинство чиновников, от которых зависит политика в области новых знаний и новых технологий. И если личный интерес противится их продвижению, то горе новшествам. А заодно и тем, кто хочет обогатить ими нашу не слишком красивую, щедрую и счастливую жизнь.

Высшие Силы, передававшие мне замыслы изобретений, действовали, понятно, совершенно бескорыстно, осмысливал события пятилетия Сенин. Они творили Добро, как оно видится там, «наверху». Вроде бы, мы должны с благодарностью принять их дары и поскорее использовать их себе на радость. Но на деле все получается не так. Люди не спешат делать Добро, наоборот, в нас-то и гнездится Зло.

Предварительные итоги (дух)

После фиаско сенинских внедренческих дел Голос не выходил на контакт больше двух месяцев – видимо, ждал, когда Павел разложит все по полочкам, подведет черту под предыдущим этапом жизни и созреет для вступления в следующий. Не сомневаясь, что рано или поздно Посланец объявится, Сенин ждал его появления с унынием. Ну, получит он идею еще одной машины, ну, услышит обычное «ты должен», но сделать ничего не сможет, это просто не в его силах... Очередной дар обернется очередным разочарованием. А он устал от разочарований. Устал играть ту странную роль, которую ему навязали... Почему на нее был назначен человек неподготовленный, почему ответственное дело поручили сельскому мужику без достаточного образования и кругозора? Почему не избрали для посредничества кого-нибудь другого – образованного, разностороннего, пробивного? Загадка! Она не давала Сенину покоя, он бился над ней каждый день, но разгадать не мог.

Вернуться бы в спорт! – думал он с тоской. Тренировать мальчишек, зарабатывать тем, что умею. В том мире все просто – тренировки, выступления, там решает мастерство, характер и сила... Явится Голос – попрошусь назад, в свою жизнь, ведь эта, которой живу сейчас, не моя, чужая... Или уже не совсем чужая? – вдруг щелкнуло в голове у Сенина. А та, моя, уже не совсем моя?..

Чего было в избытке в той, прежней жизни – так это физической силы. С двенадцати лет Павел ходил ворочать по совхозным нарядам вместо матери. Родители над детьми не тряслись, не отгораживали от нелегкого деревенского быта, приучали к работе. Есть у матери наряд в совхоз – поезжай ты, Пашка. И он ездил. Веники резать, сено на вилах носить. Дело, вроде, простое, а уметь надо. Над ним взрослые посмеивались. Вернее, не над ним, а так, зубоскалили:

– Ну, Сенины, потеряли совесть, детский труд эксплуатируют!

Но мать не могла разорваться. На ней держались дом и семья. Отец – плотник, каменщик, маляр, на все руки мастер, то и дело запивал, вернее, пил безбожно. (И все мужики вокруг пили. И пьют по сегодняшний день.) Когда не пил, голова соображала дай Бог, душа открывалась настезь, мог дом построить и резьбой украсить, мог последнюю рубашку снять и отдать тому, кому нужнее. А когда пил, грезилась зеленые черти... Как-то сенинский котенок забрался на чердак, а спуститься боялся. Пашка полез за ним. Отцу почудилось, что на чердаке – бес, орущий по-кошачьи, он мигом вскарабкался по лестнице, схватил сына и сбросил вниз. Павел упал, как кошка, на четыре точки, удачно приземлился на руки и на ноги, ничего не сломал, не отбил, но испуг пережил страшный и с той поры стал заикаться.

Поначалу он заикался так сильно, что слова не мог вымолвить. Из-за этого учеба в пятом классе пошла на спад, хотя до этого Пашка учился хорошо, все знал, всегда тянул руку, а вот физическая сила стала быстро прирастать. Учась в шестом классе, он осиливал ребят из десятого. Мало того, перебарывал отца, а тот был очень сильным. В школе Павел один боролся с двумя-тремя старшеклассниками. За водой на колодец ходил не с двумя, а с четырьмя ведрами. На вилах поднимал столько сена, что ручка деревянная ломалась...

И поведение его изменилось: начал драться. Его тянуло к тем, кто был на два-три года старше, с ними казалось интереснее, а они гнали. Дадут пинка под зад – «ну, пошел отсюда!» А Пашка ногу захватит, бросок, и обидчик лежит... Так вот и отучил пинаться.

Когда Павел учился в седьмом классе, семья в поисках лучшей доли переехала на юг, в шахтерские края. В городе, где осели, работали спортивные секции. Сенин пошел в самбо. Побарывал всех, считался самым перспективным. У него многое получалось – захваты, броски, болевые приемы. Но спортзал, где занимались, закрыли на ремонт. Самбо отпало,

и по совету знакомого Павел пошел в секцию бокса. Тогда он уже учился в восьмом классе. Кулаками бить не умел, только царапался. На бокс пришло 15 человек новичков, тренер поставил их в пары, чтобы посмотреть на каждого и отсеять совсем уж неспособных. Сенина оставили.

Секция была сильная, были в ней и мастера спорта, и кандидаты в мастера, не говоря уж о разрядниках. На первых порах Павлу доставалось, ходил с разбитыми губами, с расквашенным носом, но все-таки втянулся, вжился в бокс. Мастером спорта стал в 18 лет, то есть, очень рано.

Его жизнь состояла из тренировок, соревнований и драк. Учеба занимала немного места, и в конце концов Сенин запустил ее настолько, что оставаться в школе после восьмого класса не было никакого смысла. Ну, ушел, а куда деваться? Работать еще рано – пацаненок. Поступил учиться на тракториста-машиниста широкого профиля. Училище находилось в 150 километрах от города, уезжал туда на шесть дней, в воскресенье приезжал домой, ходил в секцию бокса.

Училище Павел закончил, хотя занятий посещал мало. В основном, наводил порядок среди товарищей-шалопаяв. Кроме того, приходилось постоянно разбираться с местными: они все время обижали ребят из училища, а те все время обижали местных. Дрались «куча на кучу». С каждой стороны участвовало сотне по полторы бойцов, не меньше. Сенин мог в одиночку разбросать человек двадцать...

Услышав как-то о том, что «добро обязано быть с кулаками, иначе оно никогда не одолеет зла», он решил, что, наводя порядок в училище, разбираясь с местной шпаной, делает именно это – активно творит добро кулаками. И потом, став взрослым, семейным человеком, не упускал случая окоротить какого-нибудь хама или хулигана. Сенин колотил их не просто так, а принципиально, в соответствии со своей жизненной и гражданской позицией. Бывало, выбрасывал из автобуса пьяных дебоширов, будучи уверенным, что сотворил благо. Он не понимал, почему расстраивалась жена. «Что, тебе больше всех надо?» – чуть не плача говорила Тамара. Но как же так: двое-трое парней отнюдь не богатырского телосложения задирают пассажиров, хамят, матерятся, курят, а все молчат. Как же тут не вмешаться? И Сенин обязательно вмешивался. Предупреждал, а если не понимали предупреждений, бил профессионально, чтобы отключились, просил водителя остановиться, выкидывал их вон. Ехали дальше. «Молодец!» – хвалили Павла женщины, а Тамара переживала, и не зря: его действия в этом случае находились на грани уголовно наказуемых. «Добро с кулаками» часто выходило за пределы закона.

...А ведь я давно уже никого не трогаю, вдруг сообразил Сенин, ведь я лет пять стараюсь таких приключений избегать, а если иной раз все-таки не стерплю, вмешаюсь, то никогда не довожу до мордобоя, только, например, захвачу руку, показывая, что, мол, ребята, не надо лезть на рожон, я много чего умею, лучше не нарывайтесь... Впрочем, и этого сейчас почти не бывает. Стараюсь никого не задевать, даже избегать грубых слов. Мой характер, мои привычки сильно изменились. Я неделями просиживаю в библиотеках, роюсь в патентах. Скажи мне об этом пять лет назад – я покрутил бы пальцем у виска. Мой круг общения решительно изменился. Изменились взгляды: стараюсь творить добро не кулаками, а головой... Так кто я сейчас – профессиональный спортсмен или профессиональный изобретатель? Скорее, наверно, изобретатель. Когда-то тренеры сделали меня спортсменом. Изобретателем сделали меня Неведомые Сущности. Они делали это сознательно, Они меня натаскивали, а я в повседневной суете об этом не догадывался...

Да, так, конечно, и было. Ведь как рождались эскизы машин, когда сама идея уже была дана – но не детально, не в подробностях, а в виде крупных узлов или блоков? Когда идея давалась Сенину подобным образом... а со временем такой – общий – план стал появляться

чаще и чаще, в противовес первым контактам, когда сообщались мельчайшие подробности... он просил уточнений. Думал: здесь еще необходимо то-то и то-то. Он как бы формулировал заказ. И ждал. День, второй, третий. Начинал нервничать, а потом чувствовал – ответ где-то близко. Ага! – ночью зажигается перед глазами экран с эскизом. Заказ выполнен. Конструкция уточнена.

В начале своей изобретательского пути Сенин делал записи, наброски – составлял архив, пополнял реестр идей, данных Голосом. Но однажды заметил, что эскизы и заметки стали исчезать. Из дома! Обнаружив такое, Павел Андреевич «наехал» на жену: это не ты, мол, мои бумаги выбрасываешь? Вспомни, может, случайно выкинула? Я к твоим бумагам, Паш, не прикасаюсь, клялась Тамара. Сын, как выяснилось, тоже до них не дотрагивался. И ключ от стола у Сенина всегда с собой. Куда же девались бумаги?.. Сенин стал даже грешить на квартиру: может, нехорошее место, «черная дыра», может, здесь привидения водятся? Крутил-вертел загадку так и эдак, но не нашел разгадки и решил с тех пор перестать писать и чертить, решил все держать в голове.

Осмысливая события пятилетки, он предположил, что, возможно, бумаги стали исчезать затем, чтобы подтолкнуть его именно к этому решению. Те, кто работал с ним под «псевдонимом» Голоса, стремились развить его память и пространственное воображение. Он должен был научиться обходиться без бумаг – раз. Научиться дорабатывать идею – два. Поэтому-то идеи чем дальше, тем чаще стали даваться в недетализированном виде. Иной раз ограничивалось общим принципом. Конкретизацию, детальную проработку та «сторона» тем самым предлагала сделать Сенину. И он ее делал. Что называется, методом проб и ошибок...

...Пытаясь подвести под «пятилетку контакта» какую-то явную черту, Сенин совершенно запутался. Что перевешивало – очевидный общественный «ноль» или явный личный «плюс»? Сенин не знал. Понял лишь, что просить отставки пока не будет.

Вторжение в медицину

Контакт возобновился в ту же ночь – словно «наверху», откуда приходили идеи, только и ждали такого решения Сенина. И словно понимая его положение, «железа» не предложили. Голос, к изумлению контактера, сообщил ему... рецепт лекарства для лечения желудочно-кишечного тракта! А кроме того, показал четыре разные формы препарата, дал инструкции по дозировке, по технологии смешивания составляющих, соединения составов и объяснил, почему эта элементарная смесь будет справляться с язвами, гастритами, колитами и прочими недугами пищеварительной системы лучше баснословно дорогих импортных лекарств. Поверил Ему Сенин? Ну, во-первых, он просто не все понял, ибо в медицине был несведущ. А поверил ли? Не до конца: даже на его дилетантский взгляд смесь действительно выглядела простенькой до примитива. Но и совершенно не верить, как подсказывал опыт, тоже не имел никакого права.

Сомнения можно было разрешить проверенным путем: испытанием препарата.

Следуя инструкциям, он купил в аптеке лекарства, приготовил смесь и пил, как было предписано, три дня. Хуже не стало, но и лучше тоже не стало, наверно, потому, что никакими желудочно-кишечными недугами Сенин не страдал. Он, честно говоря, просто ничего не почувствовал. Для испытания нужен был человек с проблемами.

Такой человек жил рядом. Маленький сын Павла Илья почти ничего не ел, часто хворал, жаловался на «животик». Куда его только ни возили, но все без толку, причину врачи установить не могли. Когда ему снова стало совсем плохо, Сенин осторожно заговорил с женой Тамарой: не дать ли Илюшке хорошее лекарство, которое, понимаешь, я тут на днях изобрел... В ответ прозвучало резкое «нет»: травись сам, а травить ребенка не дам! Лучше за «Скорой» сбегай!..

К тому времени жена Тамара в изобретательских делах Павла Андреевича давно разуверилась, и ясно, почему: никаких ощутимых результатов за годы возни со своими машинами он не добился, ничего, по сути, не заработал, наоборот, ухлопал уйму денег на макеты да поездки. Не удивительно, что и в лекарство она не поверила и велела отстать от Илюши. Но Сенин почему-то в тот момент почувствовал абсолютную уверенность в успехе и начал действовать спокойно и четко, так, словно им руководила какая-то добрая сила. Пошел на кухню, пустил воду из-под крана, как будто посуду моет, а сам быстро составил композицию, развел ее водой и, пользуясь тем, что Тамара выскочила за чем-то к соседям, дал выпить сыну. И... боль «в животике» прошла у него буквально за минуту! В таких случаях говорят – «как рукой сняло»...

Вернувшись, Тамара нашла на кухне повеселевшего, порозовевшего сына и мужа, сидящего перед ним на корточках с блаженным выражением лица. Она открыла было рот, чтобы погнать Павла за «Скорой», но Илья бросился к ней, крича:

– Мама, мама! У меня животик уже не болит! Мне папа дал лекарство, и все прошло!

Сына Сенин лечил препаратом три дня, и вскоре он стал нормально есть, а потом вообще забыл о «животике».

Тамару, впрочем, почти чудесное исцеление Ильи не переубедило. Она не хотела поверить, что муж, наконец, изобрел что-то путное, однако, видимо, кому-то что-то сказала насчет лекарства от желудка. Иначе откуда бы взялся поток страждущих, который потек через квартиру Сениных? Знакомые и незнакомые приходили, просили помочь. Стали ловить Павла на тренировках в спортзале, останавливали на улице, подсаживались в автобусе. Нежданно-негаданно он стал целителем.

Целителей, знахарей, ясновидящих у Сениных в роду не было. Правда, мама знала множество народных рецептов и могла вылечить от распространенных хворей – простуды,

расстройства с желудка или, наоборот, запора, радикулита и прочего. Наверно, некоторые способы она изобретала сама. Павел вечно зарабатывал ушибы, синяки, травмы – без них не обходится спортивная жизнь, это изнанка спорта. Мать его лечила. День-два, и синяков и ссадин как ни бывало.

Так что Павел с детства близко был знаком с народной медициной. И часто она ему помогала. Однажды едет в битком набитом автобусе, держит на руках сына, и вдруг к нему обращается какая-то бабуля:

– Спина у тебя, сынок, вижу, болит...

И точно, спина болела у Сенина нестерпимо после очередной травмы. Он еле стоял и это, видимо, читалось на его лице.

– Болит, бабушка, – признал Павел.

– Пусть он, – показала старушка на Илью, – походит тебе по спине ножками.

Выходят вместе из автобуса, глядь – а ее нету. Словно растворилась в воздухе. Ладно. Пришли домой, Сенин лег на пол и сказал Илюше: топай! Он топает по спине, а Павел не чувствует – слишком легкий. Говорит жене: давай ты!

– Я же тебя раздавлю! – испугалась она.

– Ничего, ничего! Походи, ну, пожалуйста!

– Ну, смотри!..

Едва Тамара наступила ему на спину, взвыл – боль была адская.

– Давай! – кричит. – Давай! – а сам на пределе.

Ничего, вытерпел. После этого «сеанса» боль держалась три дня, постепенно затухая, а потом ушла навсегда.

Так что с народной медициной Павел Андреевич соприкасался часто и близко, но знал о ней, как и вообще о медицине очень мало, сам никого никогда не лечил, интереса к врачеванию за собой не замечал, никаких целительских талантов, например, экстрасенсорных, у него не было – ничем особенным в этом плане их род, как уже сказано, отмечен не был... Так что, став автором или, лучше сказать, держателем препарата Сенин был вынужден полагаться на врачей. А тех отпугивала простота состава и технологии приготовления, то есть именно то, что относилось к безусловным достоинствам препарата. Достоинства, как часто бывает, превратились в недостатки и сыграли в продвижении лекарства к больным негативную роль. Такие элементарные компоненты в гастроэнтерологии не используются, отмахивались от Сенина врачи, ваша несерьезная смесь работать не должна и не будет!... Однако она работала, да еще как! Препарат давал удивительный эффект! Реально помогал больным! Результаты, что называется, был налицо, но «подобные флюсу» специалисты не хотели брать их в расчет. «Этого не может быть потому, что этого не может быть никогда», – твердили они и не желали прислушиваться ни к каким доводам. А те немногие, кто не отрицал эффективности лекарства, говорили Сенину: «Ну, работает. Ну, и что? Все равно тебе его не пробить!»

Не пробить?! Тут уж мастера спорта, неуступчивого бойца Сенина, что называется, заело. Он взялся за дело всерьез. Сумел организовать испытания в Российском кардиологическом научно-производственном комплексе, во Всероссийском научно-исследовательском химико-фармацевтическом институте, в одном из военных госпиталей. Результаты превзошли все ожидания. Подтвердилось, что препарат существенно превосходил имеющиеся аналоги. К тому же, он оказался очень дешевым, выгодным, эффективным и удобным в производстве. Производить его оказалось значительно проще в экономическом, организационном и финансовом отношении, чем какие-то машины или агрегаты... Поэтому совсем не удивительно, что Павел Андреевич проникся настоящим энтузиазмом.

Его подпитывали успехи в лечении. Отказать больным Сенин не мог, давал им препарат... Причем, со спокойной душой. Закона Павел не нарушал, потому что, по сути, предлагал людям смесь хорошо известных лекарств и безобидных продуктов вроде меда и чая,

а, кроме того, был совершенно уверен, что риска нет никакого, препарат никому не сделает вреда – кроме, как говорится, пользы. И действительно, все его первые пациенты забывали о проблемах с желудком и кишечником, начинали есть и пить что угодно и в любом количестве. Выяснилось, что препарат хорош и для профилактики, остановить подступающий недуг можно было всего за три дня. Никакая диета при этом не требовалась, достаточно было не злоупотреблять острым... Наконец, лечение занимало максимум девять дней, а в иных случаях удавалось управиться за три при оптимальная продолжительность шесть дней. Что такое шесть дней? По сравнению с годами, а то и десятилетиями мучений? Ничто!

Помог Сенин и некоторым людям из городского начальства, мучимым застарелыми язвами желудка, и кое-каким важным знакомым этого начальства. Некоторые из них требовали гарантий, что препарат действительно поможет. Если не поможет, присылайте ваших людей с наручниками и отправляйте меня в тюрьму, обычно отвечал Павел. Что ж, ни у кого из тех влиятельных особ, которых он лечил, ни разу не возникло желания засадить Сенина за решетку...

Имея такой препарат, можно было создавать медицинские центры наподобие творческих кооперативов. Идею поддержали влиятельные персоны из городской администрации, в том числе те, что после девятидневного курса лечения стали горячими поклонниками Сенина. При их поддержке был открыт первый такой центр в их подмосковном городке, а через год появились лечебные центры в других городах области и в самой Москве. Препарат показал отличные результаты в ветеринарии при лечении телят, поросят, пушных зверей, птицы. Начали осваивать и эту сферу. Перспективы открывались обнадеживающие...

Смущало Сенина лишь то, что официальная медицина оставалась для него чужой территорией. Смущало, во-первых, потому, что безотказное лекарство не доходило до того, кто в нем остро нуждался. А во-вторых... Во-вторых, Павел Андреевич постоянно чувствовал исходящую от нее угрозу. Пока его прикрывала местная власть, он мог особенно не волноваться. Но если покровительство ослабнет или, не дай Бог, почему-то закончится... Как можно было упредить возможные неприятности? Постараться проникнуть на «официальную» территорию, то есть, провести разведку, ну, не то, что «боем», но активную, заявить позицию... Влиятельные люди города организовали ему встречу с главным врачом городской поликлиники. Сенин к ней подготовился со всей тщательностью, захватил бумаги с результатами испытаний препарата, выписки из историй болезни, отзывы пациентов... но серьезного разговора не получилось. Протоколы испытаний и данные обследования больных до лечения и после лечения препаратом главврача не заинтересовали.

– Если вы не верите ни мне, ни документам, – сказал Сенин, – вот телефоны выздоровевших. Давайте позвоним им, пусть они скажут, как себя чувствовали раньше и как чувствуют сейчас.

– Они уже звонили сами, – ответил главврач. – Подтвердили результаты.

Звонили ему не какие-нибудь случайные пациенты, а те самые важные представители местной власти, которые уже успели подлечиться у Павла Андреевича и теперь решили поспособствовать внедрению.

– И что вы думаете по этому поводу? Может быть, попробуете использовать препарат у себя в больнице? Это ведь дешево и эффективно. Дам вам технологию, делайте сами и применяйте.

Вот так Сенин и действовал на первых порах – открыто и бескорыстно. Ему, по наивности, казалось, что врачи должны просто вцепиться в препарат мертвой хваткой и что спрос на него будет огромным. Дешево, просто, результаты – удивительные. Почему же не брать, не лечить людей? Разве не в этом прямое предназначение медицины, профессиональный и человеческий долг врача?

– Не знаю, что вам и сказать, – отвел глаза главврач. – У нас тоже есть новинки, мы начинаем их применять. Знаете, пробивать новое так трудно!.. К тому же, мы можем использовать только сертифицированные и аттестованные препараты, а ваш препарат не является таковым.

– Это правильно, но ведь все компоненты препарата сертифицированы, – возразил Сенин. – Врач может выписать рецепт на каждую составляющую по отдельности, а потом смешать их. Разве не так?

– Так, – согласился главврач. – Но поймите: ваш препарат нам не нужен.

И Сенин ушел ни с чем.

Но история на этом не закончилась.

Через месяц Павла Андреевича разыскала родная сестра главврача. Удивительно, но у того начались проблемы с желудком, хотя раньше желудок у него никогда не болел. Он, представьте, считает, сказала женщина что это наказание за отказ «целителю»... Да и сама она тоже решила, что Бог покарал брата за отказ содействовать распространению данного людям чудодейственного лекарства, а поскольку дано оно было через Сенина, то он же и явился невольным виновником покаравшей брата болезни. И исцелителем теперь тоже должен стать Сенин, сделав для главврача отвергнутый им препарат. Круг, что называется, замкнулся.

Препарат Павел, разумеется, сделал, но сестра врача, прежде чем передать его по адресу, попросила «целителя» встретиться со священником, неким отцом Сергием. Сенин охотно согласился и, идя на встречу, решил – была, не была! – рассказать тому о своих ночных контактах с непонятными «информаторами», попросить отпущения грехов, а, может быть, и благословения, если отец Сергей сочтет возможным его дать.

– Почему идеи облегчающих труд машин и исцеляющих недуги лекарств приходят именно вам? – спросил священник.

– Я сам очень хотел бы это знать.

– Вы инженер, конструктор? Врач?

– Нет, нет! Может быть, мне надо забыть все это? Не делать машины, не лечить людей? Но ведь они сами идут ко мне. Они страдают. Я не могу не помогать им...

– Знаете, – сказал отец Сергей, – вас отметили Высшие Силы. Давно являются вам идеи?

– Давно. Уже больше десяти лет.

– Значит, выбрали вас – выбрали на служение людям. Я вас благословляю.

Благословение о. Сергия в практическом смысле ничуть не помогло Сенину. Похоже, оправдывался унылый прогноз скептиков, которые обычно оказывались правы. Павлу Андреевичу очень не хотелось признавать, что они угадали и на этот раз, но куда было деваться? Препарат был запатентован, прошел клинические испытания с отличными результатами, его производство было лицензировано и сертифицировано, подготовлено и отлажено; наконец, было вылечено немало людей, после курсового приема этой странной для гастроэнтерологии смеси забывших о проблемах с желудком и кишечником. Все вроде было хорошо, даже очень, а «пробить» лекарство Сенину все-таки не удавалось. Внедрение все-таки не состоялось. Медицинские центры, созданные по образцу творческих кооперативов, открытые при поддержке местного начальства в нескольких городах Подмосковья, закрылись...

Почему? Ответ прост: препарат оказался не нужен. Кому? И здесь ответ не труднее. Горький опыт убедил Сенина: во-первых, врачам, во-вторых, коррумпированным чиновникам. Он, по простодушию, не излеченному годами изобретательских мытарств, полагал, что дешевое, эффективное, быстродействующее, не имеющее противопоказаний, не дающее побочных эффектов, нетоксичное лекарство должно пойти нарасхват и предлагал его

открыто и бескорыстно. И недоумевал, почему врачи отводят глаза и мямлят что-то про «замечательные новинки, которые недавно получены». Но тот самый главврач городской поликлиники, которого Сенин вылечил, и после исцеления не стал его союзником. Врач, спасибо ему, был честен: «Поймите, ваш препарат нам не нужен, у нас – свои лекарства, свои поставщики, свои налаженные каналы, свои давние связи, в общем, свое дело, свой бизнес». Главврач не сказал – «клановый», но так оно и было.

И Сенин понял: чужак, несущий непрошенное добро, в нем лишний. И ушел ни с чем, оставив в кабинете всю свою наивность. Потому что ясно увидел – сказанное в приступе откровенности главврачом могли бы слово в слово повторить Сенину чиновники. В их клановый, часто родственник, даже семейный бизнес посторонний препарат никак не вписывался. Тем более, хороший. Тем более, отечественный. Все эти профессиональные, медицинско-фармацевтические, они же дружески-родственные кланы имели давние и прочные, хорошо оплачиваемые (в том числе, регулярными «откатами») контракты с иностранными фармацевтическими компаниями, закупали у них лекарства для страны и вовсе не собирались эти отношения разрывать, менять поставщиков на каких-то других, тем более, отечественных. Эти последние в качестве конкурентов кланам были ни к чему, они помешали бы зарубежным корпорациям беспрепятственно сбывать в Россию свой товар. А именно в этом и состояла главная задача кланов. В этом, а не во внедрении каких-то новшеств, будь они хоть трижды эффективны. И когда Сенин стал, что называется, «качать права», напоминать о страдающих больных, взывать к долгу врача, милосердию, патриотизму, ему – через третьих лиц – прозрачно намекнули: противодействие его активности будет хорошо организованным, отпор – быстрым и жестким.

На него и нарвался Сенин, когда, проигнорировав намеки и угрозы, попытался вместе с партнерами распространить свой препарат самостоятельно, начал раздавать его бесплатно по аптекам. Аптекам приказали сенинское лекарство не брать, и они не брали. Попробовали развозить его по клиникам – отказ. Участвовали в выставках, ярмарках, давали рекламу – безрезультатно. Каждый раз события развивались по одинаковому сценарию: сначала – вспышка интереса, вполне объяснимого, потом – глухое молчание.

Сенин чувствовал себя загнанным в угол. Опускались руки. Добил его компаньон – ударом в спину. В те годы в бизнес ринулась масса бывших армейских офицеров и офицеров разных спецслужб. Вот и компаньон Павла Андреевича был оттуда – бывший военный, полковник, политработник. Человек толковый, но – пьяница. Его периодические запои сильно вредили делу. В конце концов, Сенин не выдержал, сказал компаньону:

– Или вы все это раз навсегда прекращаете, или...

Что значило это «или», тот понял и сидел, пригорюнившись. Тут как раз приехали заступать на пост охранники.

– Что с тобой, Петрович? – спрашивают.

– Да вот Павлуха опять ругается.

– Да гони ты его самого пинком под зад! – советует охрана, не зная, что Сенин слышит их разговор. После ссоры он тоже расстроился и прилег на диван в соседней комнате.

– Как это «гони»? – отвечает компаньон. – А идеи откуда возьмутся? Ты, что ли, принесешь? Все идеи у Павлухи рождаются. Пинка!.. Может, попозже, когда все свои идеи выложит.

Сенин слышит это, и его всего переворачивает, как в молодости, когда окорачивал блатных и шпану, устанавливал порядок кулаками. Но нет, сейчас его уже не втянуть в примитивную драку. Выходит к ним. Следует немая сцена, как в гоголевском «Ревизоре». Говорит спокойно:

– Гнать меня пинками не надо. Сам ухожу.

И уходит из совместного дела. И снова – в никуда.

Ветеринарный абсурд

Первые шаги, которые делает человек для внедрения своего открытия или изобретения – это шаги в чиновничий кабинет. И очень часто первые слова, которые слышит от чиновника – «нам это не надо». Вариант – «отдай нам, а то...» Что именно? Не пустим. Сгноим. Уничтожим.

Некоторых это отвращает от изобретательства навсегда. Их новаторский путь заканчивается, по сути, не начавшись, тут же, у стола чиновника. Меньшинство закаляется в общении с чиновниками, но чувство удивления с годами так и не проходит. Павлу Андреевичу, например, было очевидно, что его препарат – идеальное профилактическое средство для армии. Стоит новобранцу, утомленному службой и казенными харчами, три дня его попить, как желудочно-кишечный тракт приходит в норму, предупреждаются гастриты, язвы. Поддерживать армию здоровой – значит поддерживать ее боеспособной. Это же государственное дело! А государственный чиновник говорит тебе знакомое: а зачем нам это надо? А нам это неинтересно. И прочее в том же духе. Он говорит: вы нас, ребята, все равно не обойдете. Выше наших голов не прыгнете, только зря потратите силы и деньги.

Что же было делать Сенину, когда, продвигая препарат, он снова уперся в ту же глухую стену? Требовалось найти какое-то неожиданное, нестандартное решение. И оно, кажется, нашлось. Если не получается с людьми, явилась простая мысль, попробуем с животными. Запустим препарат в ветеринарии, внедрим, распространим, сделаем незаменимым, а потом, заработав репутацию и деньги, вернемся к лечению людей.

Еще раз с соратниками, проверенными еще в изобретательском кооперативе, подвергли препарат самой суровой проверке: давали животным (прося у них прошения!) дозу, превышающую суточную в 5—6 тысяч (!!!) раз и не зафиксировали никаких повреждений. После этого вышли на профессора Торопова, крупнейшего авторитета в области гастроэнтерологии животных.

– Я в чудо-средства вообще-то не верю, – сказал тот, – но если вы меня убедите, предъявите результаты, то буду вам помогать.

Передали Торопову для испытаний 10 упаковок препарата и стали ждать звонка. Прошла неделя. Потом еще одна. Наконец – звонит.

– Я как-то до конца не понял, что за результаты мы получили. Вы можете подвезти еще несколько упаковок?

Подвезли. Пролетел месяц, пошел второй. И вот – долгожданный звонок.

– Приезжайте! – коротко сказал профессор.

Приехали. Торопов приглашает сотрудников, проводивших исследования и заявляет в присутствии всех:

– Я такого результата раньше никогда не видел. Лекарство сработало на сто процентов. А главное, мы вылечили одного нашего коллегу, который четверть века лет мучился язвой. Ему ничего не помогало. И он решился, принял вашу смесь – хуже, мол, не будет! Сделали гастроскопию до лечения и после. Язвы зарубцевались! Человек забросил диету, ест, что душе угодно. Наше мнение: препарат заслуживает самой широкой апробации и внедрения. Используем все наши связи, чтобы его пробить. Подключим людей из Минсельхоза, которые нам помогут.

Первым делом нужно было зарегистрировать на Фармсовете в Министерстве сельского хозяйства. Профессор, как и обещал, сделал все, что мог – использовал связи, подключил и настроил людей, так что Фармсовет препарат, что называется, «пропустил» и разрешил проводить клинические испытания. Некоторые члены Совета – ученые, представители

департамента ветеринарии Минсельхоза – с самого начала были настроены вполне благожелательно. Но большая часть была против чужаков.

– Зачем вы их тащите? – говорили Торопову на Совете недоброжелатели, – они же чужие.

– Коровам все равно, кто свой, кто чужой, – отвечал профессор, – им нужно, чтобы лекарство хорошее было. А это лекарство – хорошее. Сначала я тоже отнесся скептически, но когда проверил, то пришел к выводу, что этот препарат завоюет ведущие позиции не только в ветеринарии, но и в медицине. Метод очень сильный. Он должен жить!

В зале после этих слов стало тихо. Полно сидит народу со всей России – и все молчат. А в перерыве ведущий специалист по гастроэнтерологии Департамента ветеринарии предложил Сенину испытать препарат силами Департамента. Если вы, конечно, уверены в вашей композиции и не боитесь подвергнуть ее объективной проверке, насмешливо заметил он. Учтите, если препарат не превзойдет по эффективности имеющиеся, мы его просто «закопает»!

– Не боюсь! – ответил Павел. – Действуйте.

– Ну что ж... Пишите письмо на имя начальника Департамента.

Однако тот, несмотря на благосклонность Фармсовета, отнесся к «чужим» очень жестко. Точнее, просто отмахнулся: «Пустышка!» Если авторы хотят испытать свое «гениальное открытие», пусть дадут лекарства в хозяйства, а там, на местах, если захотят попробовать, пусть пробуют.

Препарат ушел на испытания в разные регионы России, а месяца через три можно было «собирать урожай» – объезжать регионы, фиксировать результаты. Они получились удивительными.

Животные болеют в точности как люди, только еще тяжелее. Скверные условия содержания в хозяйствах, грубые корма, грязь, сырость, холод, плохой уход приводят к 60-процентному падежу молодняка. Препарат должен был справляться с теми заболеваниями, которые косят скот как косой. Именно – с желудочно-кишечными. И он потрудился на славу! При лечении телят, поросят, птицы местами показал стопроцентную эффективность. 99,9, 98,7, 98 процентов эффективности – такие цифры предъявили нам смущенные экспериментаторы. Они не без оснований опасались, что их обвинят в недобросовестности и подтасовках. Худший результат равнялся 96 процентам. Как говорится, всем бы такие худшие...

Увидев протоколы испытаний, начальник Департамента ветеринарии воскликнул «Такого не бывает!» и пригласил Сенина с командой к себе.

– Ребята, за такие цифры нас могут наказать. Во-первых, скажут, что мы подогнали результаты. Во-вторых, не все хотят, чтобы у нас в России были собственные хорошие препараты... Но попробуем прорваться. Подготовьте письмо, я подпишу. Будем рекомендовать всем субъектам Российской Федерации использование вашего препарата.

Письмо, подписанное начальником Департамента, было ясным и красноречивым. Вот выдержки:

«У более чем 96% пролеченных животных и зверей наступило выздоровление, улучшилось общее состояние, появился аппетит. С профилактической целью было обработано 1000 голов новорожденных телят и поросят, профилактическая эффективность составила 100%. Препарат показал высокую терапевтическую эффективность при лечении диспепсии, гастритов и гастроэнтеритов как у взрослых животных и зверей, так и молодняка.

Препарат прост в применении. Стоимость курса лечения от 2 до 20 рублей в зависимости от веса животного и тяжести заболевания. Продолжительность одного курса лечения от 3 до 6 дней. Учитывая большой дефицит отечественных современных ветеринарных препаратов и полученный положительный терапевтический и профилактический эффекты, Департамент ветеринарии рекомендует провести разъяснительную работу среди ветеринар-

ных специалистов районов и крупных хозяйств по приобретению и применению препарата в широкой ветеринарной практике».

Письмо ушло в регионы, оттуда посыпались просьбы прислать лекарство. Сенинская команда едва успевала отправлять посылки во все уголки России. Результаты испытаний – все под сто процентов. Начальник ветеринарного департамента, окончательно убедившись в эффективности препарата, начинает, что называется, ставить подчиненных на уши – «давайте внедрять!» Но подчиненные, даже стоя в такой позе, не очень-то торопятся, и тогда Сенин с помощниками действуют сами: пытаются самостоятельно распространить препарат, заключают сделки с институтами и хозяйствами, которые участвовали в испытаниях и пожелали купить лекарство. И вдруг... Вдруг желание это у них пропадает. В чем дело?..

В чем именно, Павлу Андреевичу доверительно и под большим секретом объяснили в одном из институтов. Оптовики, сидевшие тут же, в Департаменте ветеринарии Минсельхоза, в двух шагах от кабинета начальника Департамента, требовавшего скорейшего внедрения препарата, четко сказали нашим потенциальным покупателям: если будете брать этот препарат, не получите никаких других лекарств.

Все стало понятно. Дело вновь споткнулось об откровенную коррупцию. Иностранные компании давно заключили с оптовиками Департамента выгодные контракты на поставку своих лекарств и неплохо оплатили их услуги. И хотя получить лучшие результаты, чем получила команда Сенина, было просто невозможно, договоров с «чужаками» заключать не собирались, для этого пришлось бы разрывать соглашения с инофирмами, а те, понятно, сняли бы чиновников с «довольствия»... Сенин сунулся было к оптовикам «качать права» и... получил объяснение происходящего открытым текстом. Вы в наши схемы не встраиваетесь, ребята, сказали Павлу, мы с вами сотрудничать не будем и, больше того, будем вам противодействовать, коли попытаетесь распространять ваш препарат самостоятельно, поскольку вы, ребята, нам в качестве конкурентов на рынке совершенно ни к чему, нам нужно обеспечить сбыт закупленных у инофирм лекарств. В этом и состоит наша главная задача, а вовсе не во внедрении каких-то замечательных новшеств. А не решим ее или начнем играть в ваши игры, нас накажут.

Да, их могли и наказать, молча согласился Сенин. Но не за то, что не пускали на рынок высокоэффективный отечественный препарат и гробили тем самым отечественное животноводство. Наоборот, их наказали бы за то, что они, распространяя препарат по стране, заботятся о здоровье животных, способствуют развитию животноводства и поощряют отечественного производителя! Можно ли, скажите, придумать больший абсурд?! В него попросту трудно поверить... когда сталкиваешься с ним первый раз. Вот и Павел Андреевич сначала не поверил. А потом сообразил, что столкнулся не с каким-то дьявольским извращением, а с системой. С системой сплошного подкупа, тотальной продажности и круговой поруки. У оптовиков, что называется, «все было схвачено». Они работали в тесной связи с чиновниками от ветеринарии. А родственники, друзья и знакомые чиновников (или фактически они сами – через третьих лиц) занимаются производством лекарств или закупкой и реализацией импортных. Так устроен прибыльный клановый бизнес. Проникнуть в него чрезвычайно трудно – чужих не пускают. Система монолитна, прочна и умеет не только защищаться, но и при необходимости устранять конкурентов.

И все-таки, проигнорировав предупреждения, а, лучше сказать, угрозы, Сенин со товарищи пытались распространить препарат самостоятельно. Просто раздавали его бесплатно во многие аптеки Москвы. Просили – попробуйте, раскусите! Кое-где действительно пробовали, составляли акт по результатам испытаний. Результаты – уже привычные, почти сто-процентные. Берете? Лучше ведь ничего нету! А нам запретили, отвечают. Запретили реализовывать ваш препарат.

Команда боролась за него, как могла. Участвовали в выставках, выпускали буклеты, давали рекламу. Интерес со стороны ветеринарных врачей был немалый, и в конце концов оптовики решили, что препарат может пригодиться в их бизнесе.

Ладно, ребята, сказали Сенину, давайте, делайте ваше лекарство. Какая у вас получается себестоимость? 22 рубля за стандартную упаковку, а можно выйти и на 16 рублей. Мы, предложили оптовики, будем платить вам 16 рублей, а реализацией займемся сами.

– Не понял, – возразил Сенин. – Вы нам будете, значит, возмещать расходы, а прибыль получать сами? Но мы тоже должны что-то заработать, это же вполне естественно. Так что давайте делить прибыль. Нам – хотя бы 20 процентов. А по справедливости – половина.

Нет, говорят оптовики. Нет? Тогда это просто грабеж среди бела дня. Поступай, как велит твоя совесть и диктует твой бизнес, но нам отдай наше. Нет! – и точка. Ну, на нет и суда нет...

Попробовали развозить препарат непосредственно по ветеринарным клиникам. Работали с маленькими аптеками. И то, и то оказалось неинтересно. Сплошные убытки. Так что через год окончательно уперлись в экономику. Она перечеркнула все добрые намерения, а тем самым и все достоинства препарата. Он был рекомендован в широкую ветеринарную практику, но... Но дальше рекомендаций дело, по сути, не пошло.

Выхода из тупика Павел Андреевич не видел. Было очень жаль погибающих животных, которых можно было бы спасти с помощью дешевого и доступного средства, но как это сделать, что предпринять, не знал...

Принуждение к развитию

На этот раз Сенин решил просить отставки.

Возня с препаратом не прошла для него даром. Что знал он еще не так давно об истинных стимулах и механизмах лекарственного бизнеса в стране? О тайных пружинах отечественного здравоохранения? Ничего. Слово «коррупция» не имело для него никакого реального содержания. А теперь он отчетливо понимал, что она такое, откуда растет, чем подпитывается, как действует, представлял, насколько она могуча и сколь трудно с ней бороться. Еще недавно социальные процессы во многом были для него темны, закрыты, сейчас он мог проанализировать истоки коррупции в фармацевте и коррупционные связи в здравоохранении. Он, безусловно, понимал, что уже значительно поднялся над уровнем незатейливого изобретателя-самородка, не говоря уж об уровне простого спортсмена. Но собственный прогресс его не радовал – из-за явной однобокости. Сам Сенин развивался, а дело – стояло. И это, чувствовал он, неправильно.

Чутье не обманывало Сенина. Перекос действительно свидетельствовал о «неправильности» процесса. Работая над своим творением, давая ему жизнь, выводя в мир, доводя до совершенства, творец совершенствуется сам; творение, возникая из небытия, подталкивает творца к самосовершенствованию – таков один из правящих миром законов. Получая философский камень, алхимик одновременно переплавлял в своих тиглях собственное существо, преображался. Подлинное алхимическое делание имело два результата: трансформацию мастера и создание философского камня. Условием трансформации сознания мастера было создание философского камня; условием появления философского камня – трансформация сознания мастера. Одно требовало другого, одно не получалось без другого.

Сенин же за годы работы с изобретениями – сначала с механизмами, потом с лекарствами – своего «философского камня» не добыл: ничего не сумел «пробить», «внедрить», прочно ввести в мир, закрепить в обиходе, в практике. Значит, глубокой трансформации его души, его сознания, его личности не произошло. Не умея проанализировать это обстоятельство по существу, он ощущал его интуитивно и нервничал. Его эволюция с самого начала была и оставалась принудительной: человека против его желания и воли поставили на путь и насильно по нему вели (или, может быть, тащили), подстегивая кнутом долга. «Ты должен, ты обязан!» – твердил Голос, но почему, кому, зачем «обязан и должен», Сенин, не имевший представления о законах эволюции, уразуметь не мог.

Ответы на эти вопросы, конечно же, существуют. Эволюционный рост, ради которого, как свидетельствуют послания из интракультуры, подлинной культуры человечества, мы и приходим в мир, является главной обязанностью души в череде земных воплощений и нужен прежде всего ей самой, а вовсе не кому-то неведомому, не какому-то невесть откуда взявшемуся начальнику. Иными словами, если человек на Земле что-то кому-то и должен, то только самому себе, и отдать этот долг он может лишь карабкаясь по эволюционной лестнице. А подняться по ней можно лишь участвуя в конкретных повседневных делах, ибо эволюционный рост происходит только так и не иначе...

Но – повторим еще раз – Сенин не владел даже элементарными понятиями метафизики и не обладал даже элементарной эзотерической культурой, а Силы, избравшие его на роль посредника-контактера, не сочли нужным преподать ему курс по ликвидации интракультурной безграмотности, хотя такое практикуется. Пример – Блаватская, допущенная в один из тибетских ашрамов. Почему не стали учить Сенина, мы не знаем, но можем понять его недоумение и растерянность. Если уж для контакта выбран не инженер, не врач, не фармацевт, не настоящий предприниматель, а человек без должного образования, фактически без профессии, без достаточного кругозора, без необходимой деловой хватки, человек, не про-

читавший за жизнь и десятка серьезных книг, плохо говорящий, наконец, заикающийся, то есть имеющий явный физический недостаток и оттого комплексующий, то почему не дать ему каких-то обязательных знаний?.. Тогда этот плохо подготовленный к делу человек – то есть, я, говорил себе Сенин (или может быть, нашептывал ему голос совести) – сделал бы в истории с внедрением лекарства больше, чем сумел сейчас. А я – такой, как есть – сделал все, что мог. Проведена апробация – ее результаты отражены в многостраничных отчетах. Доказано, что остановить подступающий недуг можно за три дня профилактики – без какой бы то ни было диеты, лишь не злоупотребляя острым. Доказано, что лечение занимает максимум девять дней, в иных случаях можно управиться за три, оптимальная продолжительность – шесть дней.

Но человечеству на эти результаты наплевать, оно жило без них и проживет без них еще тысячу лет. А значит, ему наплевать и на все Ваши подарки, – прямо обращался Сенин к Неведомым Силам. Земля отчего-то не принимает небесных даров. Навязывая их людям, я сильно рискую. Попытки продвинуть препарат показали, что дело это отнюдь не безопасное. Я уже получил предупреждения от людей, которые не склонны к шуткам. Я уже, кажется, на всю жизнь наелся общения с чиновниками... Да и общаясь с Вами, я не испытываю ни восторга, ни благоговения, ни, честно сказать, благодарности. Наоборот, я отношусь к Вам с настороженностью. Контакт с Вами – просто упрямый факт, неустранимое обстоятельство моей жизни, почти такое же, как какие-то обстоятельства происхождения, наследственности, рождения в той или иной семье, в той или иной стране, местности. Невозможно сменить национальность или цвет глаз, данный родителями. Точно так я не могу прекратить контакт, не встречаться с Голосом, не подчиняться Его воле, не заниматься навязанными мне изобретениями...

Но ладно. Пожалуй, я готов рискнуть еще раз, потому что мощное лекарство – это все-таки не механическая метла, это здоровье, это жизнь без страданий. А Вы поддержите меня всерьез. Дайте какое-то доказательство, кроме заклинания «у тебя все получится». Помогайте! А то ходишь-ходишь по чиновникам, бьешься-бьешься, упираешься в глухую стену. И не в одну. Тут стена, там, здесь... Со всех сторон – стены. Я устал! – вскричал Сенин. Помогайте по-настоящему или отпустите в мой привычный мир. Забуду про Ваши идеи, сверну честолюбивые планы, заброшу патенты. Буду учить ребят боксу и самбо...

Видение

Прошла неделя, другая, а Голос молчал. Ни весомого доказательства поддержки, ни «вольной» Сенин не получил, и потому пребывал в состоянии напряженного ожидания, от которого недалеко и до нервного срыва.

Напряжение день ото дня нарастало, и вот глухой ноябрьской ночью 1991 года, похолодев, он решил, что переходит черту, отделяющую его от горячки или, хуже того, безумия. В полусне-полуяви, в том состоянии, в котором происходили контакты с Голосом, Павлу Андреевичу впервые явилось Видение.

Немало лет минуло с той ночи, а Сенин и по сию пору не знает, что и думать... Однако помнит Его явление прекрасно и старается рассказать о первом контакте с новым информатором с максимальной точностью.

Видение – Павел Андреевич сразу обозначил и в дальнейшем называл про себя удивительного гостя этим словом – имело вид полупрозрачного, или, может быть, сотканного из облака, из тумана человеческого силуэта небесного цвета. Оно нависло над кроватью, пристально Сенина рассматривая. Во всяком случае, Его неподвижную позу можно было истолковать именно так. А может быть, Оно ожидало какой-то реакции Сенина, чтобы действовать, что называется, по обстоятельствам. Впрочем, реакция человека оказалась вполне предсказуемой: он испугался, хотя был совсем не робкого десятка, и закричал – но беззвучно, крик застрял в горле. Попробовал оттолкнуть непрошеного гостя, ударить рукой или ногой, но удары проходили сквозь призрачный силуэт. Он был неуязвим, а человек бессилен... Видение «постояло» или, может, «повисело» и исчезло, а Сенин проснулся утром с головной болью и памятью о пережитом страхе.

Через несколько ночей ему приснился странный сон – очень отчетливый и подробный. Будто идет он по высокой плотине, перегородившей реку. С одной стороны вода грязная, черная, подступает к самому верху насыпи, вот-вот перельется, а с другой – чистая, ее мало, она у самого низа плотины. Он зачем-то пытается окунуть ногу в грязную воду, но какая-то невидимая сила не дает Сенину этого сделать, толкает в чистую воду. Он падает вниз и плывет, а перед тем, как подняться на берег начинает пить с такой жадностью, что никак не может напиться, да и вода на редкость вкусная, какой он в жизни уже давно не пробовал. И тут Сенин видит, что вода вытекает через какой-то фильтр, встроенный в плотину. А, вот оно что! – думает он. Здесь применяют замечательный фильтр, надо спросить, какой, достать и поставить у себя на кухне. Но у кого спросить? Выбравшись на берег, он видит неподалеку дом, красивый, высокий. Заходит – там полно детишек, они молча смотрят на Павла Андреевича и тянут к нему пустые стаканы...

Очнувшись от этого сна, он увидел подплывающее или, может быть, каким-то иным способом приближающееся к кровати Видение в виде облака, имеющего человеческие очертания – с головой, туловищем, руками, ногами. С одной стороны, Оно вроде бы действительно плыло по воздуху, с другой, слышался скрип доски на полу, будто на нее наступало существо из плоти. Видение нависло над Сениным, как во время первого явления несколько ночей назад, и он опять почувствовал нарастающий страх и опять попытался ударить Его рукой и ногой, но с тем же успехом – удары проходили сквозь Него, словно сквозь сгусток тумана, не причиняя ни малейшего вреда. Видение сделало знак – не маши, мол, напрасно руками! – и опустилось, или может быть, село на кровать... которая под Ним промялась, Сенин ясно видел это в свете луны! Его прошиб ледяной пот, в глазах поплыло, и, чувствуя, что через секунду потеряет сознание, Сенин напрягся, чтобы броситься на этого странного призрака, под которым скрипел пол и проминалась постель, но призрака его обездвижил. Тело

не слушалось, язык не ворочался. Сенин был целиком во власти привидения, которое делало с ним, что хотело, а он не мог защититься, не мог защитить спящего рядом маленького сына.

Потом Видение переплыло на соседнюю кровать, вытянулось там во весь свой рост (выше обыкновенного мужского, но не намного) и обратилось к парализованному человеку со словами. Нет, это, собственно, были уже не слова, мысли, фразы. Они вспыхивали в мозгу Сенина. Примерно так они общались с Голосом. Сенин понимал, что передает ему Голос. И отвечал – мысленно. Подумает, а Голос понимает.

Вот и сейчас Сенин понял, что транслировало ему Видение. Оно... пригласило Павла Андреевича прилечь рядом! Он в страхе отказался и, если можно так сказать, ощутил эмоцию удивления. Отказ очень удивил ночного гостя, а Сенин вслед за этим почувствовал, что выходит из своего неподвижного тела. Душа покинула его через затылок (хотя эзотерические книги указывают, узнал позже Сенин, что выход происходит через так называемую «дыру Браммы» или теменную чакру сахасрару) и поднялась наверх, к потолку. Повиснув там, Сенин стал рассматривать свое тело на кровати, сына рядом с ним, и его замутило. Он был в смятении, он ничего не понимал, он никогда не слышал, не читал о подобных вещах, не представлял, что они возможны, и хотел лишь одного: чтобы это человекообразное облако убралось поскорее и никогда больше не приходило, чтобы все они – голоса, видения – оставили его в покое... А потом ему вдруг стало радостно и легко, и он опустился на кровать к Видению.

Они долго лежали рядом – два облака, хотя как выглядел в тот момент сам Сенин, он не знал, – и разговаривали. Видение показало и описало ему конструкцию фильтра для воды, который он перед первым появлением нового гостя видел во сне, и предложило Сенину заняться реализацией идеи и производством этих, без сомнения, замечательных устройств. Нет, возразил он. Фильтр – хорошо, но займусь им как-нибудь потом. Сначала давайте разберемся с препаратом от язв и гастритов. Я, наконец-то мог выговориться Сенин, не могу до конца внедрить ни одной идеи, что получил от вас... кто бы вы ни были. Значит – не в коня корм. Значит, ваша помощь до людей не доходит. Может быть, виноват я, может быть, не я, а существующие на Земле, в стране порядки. Может быть, я категорически не гожусь на роль вашего помощника. Но если вы не дадите мне свободы, если заставляете работать с вашими идеями, то должны мне помочь внедрить лекарство, это главное. А фильтр – подождет. Ну, а если не станете помогать, ничего делать не буду. Так и знайте!

Что отвечал призрачный гость, какие давал советы, подсказывал ходы, намечал планы, Сенин не помнит. Он давно заметил, что деловые подробности ночных встреч утром чаще всего исчезают из памяти. Идеи, решения, эскизы, рецепты – остаются, но прочее – редко. Наяву он просто действовал, делал то или другое, а происходило это в соответствии с разработанным во время ночного контакта планом или нет, точно до сих пор не знает...

А вот как окончилась та встреча с Видением, помнит прекрасно. Его душа вернулась в тело (при этом он почувствовал такую тяжесть, будто его придавили бетонной плитой), тело обрело подвижность, а Видение встало с кровати, выросло до потолка и сказала мысленно: знай, это не сон, и делай, что должен, а чтобы не забыл, что ты должен, оставлю тебе напоминание. Оно подняло руку, из нее выдвинулось нечто вроде шланга с иглой на конце и эта игла уколола Сенина в правый бок. Он попытался перехватить, отвести этот шланг, но не смог, и передал Ему – ладно, твоя взяла. Гость направился к окну и исчез. А у Сенина утром болел правый бок, и он понял, что Видение являлось не во сне. Бок болел долго, боль все усиливалась, а прошла только тогда, когда во время очередного контакта Сенин заговорил с Видением о сырье для изготовления фильтра...

После появления Видения – как понял Сенин, Оно подхватило эстафету контакта у Голоса, хотя, может быть, произошла лишь смена формы, а Сущность осталась той же – дела пошли веселее. Откуда-то появились влиятельные люди со средствами, желающие наладить серийный выпуск препарата, довольно быстро нашли и арендовали нужные про-

изводственные мощности. Но тут дело неожиданно застопорилось. Аттестовать производство никак не удавалось... Чиновник, от которого зависело решение, стоял насмерть, причем понять, чего он в действительности хотел, было невозможно. Во всяком случае, не денег – мзду он отвергал, а потом заявил, что ничего смотреть не будет, разрешения не даст никогда и выгнал Сенина из кабинета чуть ли не взашей, а назавтра – и влиятельных доброжелателей. Опять глухой тупик... В этот отчаянный момент Видение вышло на контакт и велело утром снова отправляться к чиновнику, оставлять у подъезда машину «под парами», идти в кабинет и... И что? – скептически спросил Сенин у Видения. Увидишь, отвечало То, главное, делай, как сказано.

Утром Сенин вломился в кабинет. Чиновник побагровел, затопал ногами, схватился за телефон, чтобы вызвать милицию, но неожиданно сменил гнев на милость и покорно сказал: поехали. В машине на протяжении всего пути он, как заведенный, твердил, что не должен ехать, не должен разрешать аттестацию, но безропотно, как в трансе, подписал бумаги, сетуя, что «свои не поймут». (Они и правда не поняли, вскоре отправив его на пенсию.)

Еще раз Видение прямо вмешалось в земные дела, когда Сенина совсем замучили пожарные. Под разными предложениями они не давали разрешение на эксплуатацию цехов, письменные обращения игнорировали и гоняли Сенина по кругу от одного командира к другому. Видение приказало к ним больше не ходить, а идти к другому человеку. И показало его портрет. Этот человек бескорыстно помог Сенину. Он решил вопрос одним звонком. На производство приехал большой пожарный начальник, сам напечатал разрешение на пишущей машинке, расписался и поставил печать, так что потом к Сенину не смел сунуться с проверкой, точнее, за «данью» не один пожарный...

Контакты и люди

Смена Голоса на Видение не улучшила совсем не безоблачных отношений Сенина с «покровителями». Хотя все пришедшие Свыше идеи неизменно оказывались работоспособными, оригинальными и плодотворными, а, будучи реализованы в машинах, устройствах, лекарствах, показывали хорошую эффективность, Сенин, честно говоря, в них до конца... не верил! По сути, он не верил очевидному, не верил своим глазам – как «ничья бабушка» из «Золотого теленка» Ильфа и Петрова, продолжавшая жечь лучину в залитой электрическим светом квартире. Абсурдность своего неверия Сенин понимал, но ничего не мог с собой поделать: непрощенные «дары небес» не принимала душа. Даже по прошествии многих лет общения он смотрел на каждый «подарок» с подозрением, как на «троянского коня», а за внедрение брался с неохотой, долго раскачивался и при возможности стремился передать реализацию собственных патентов другим людям. К неудовольствию Видения.

Они общались постоянно. И само Оно зачастило к Сенину, и Сенин частенько просил Его придти. Видение предлагало заняться совершенно фантастическими вещами из разных областей, но Павел Андреевич отнекивался. Имея печальный опыт внедрения машин и лекарств, он говорил: рано, на Земле для этих изобретений еще не настало время. Ну, так скоро настанет, убеждало Видение. Ты и такие, как ты, приближаете его своими трудами. Эффективные методы и технологии займут свое место в жизни. Вспомни историю: когда-то человек жил в пещере, а сегодня летает в космос благодаря новым технологиям.

Они спорили. Сенин никак не мог доказать Видению, что земные законы не дают возможности подарить людям то, что через него дается, злился и начинал ругаться. Вы оторваны от нашей земной жизни, вы ничего не понимаете в ней! – надрывался он в беззвучном мысленном крике. Вместо того, чтобы навязывать благодеяния, проследите, как действует на Земле упорное, цепкое, отчаянно сопротивляющееся Зло, подумайте, как можно его одолеть и научите нас... А вот Видение не кричало и не ругалось. Знай, повторяло свое заклинание «У тебя все получится». Точно так говорил Голос. Столько лет прошло, а песнь та же – старая надоевшая песня: «ты должен, ты обязан»...

– Почему – я? Почему – обязан? Ведь я в это не верю! Я не умею и не хочу этого делать! Дайте идеи машин изобретателю по призванию, инженеру, конструктору, формулы лекарств – фармацевту, врачу. Они распорядятся информацией с большей пользой. А меня оставьте, наконец, в покое! – говорил Сенин прямо, как сказал бы в глаза любому деловому партнеру в человеческом облике, который выдвигает невыполнимые условия, не считаясь с интересами и возможностями противоположной стороны. Он хотел вести дела честно, открыто, не темня, не изображая то, чего нет, и поэтому полагал, что куда продуктивней работать с профессионалами.

«Почему он», объяснять ему опять не стали. Просто в практике контактов эти разумные, на взгляд человека, условия соблюдаются далеко не всегда. Контактерами (или контактантами) отнюдь не обязательно становятся профессионально подготовленные специалисты, ученые, исследователи, эрудиты, да просто граждане с достаточно широким кругозором, умеющие связно и грамотно излагать информацию. Сплошь и рядом для контакта рекрутируются люди, на наш взгляд, ни с какой стороны не для него не годящиеся, но, видимо, обладающие какими-то необходимыми качествами.

Кто такие вообще контактанты? Этот вопрос давно изучается исследователями тонких миров и уфологами. По их определениям, контактанты – это люди, вступающие, чаще не по своей воле, в телесное соприкосновение, речевой, телепатический диалог с каким-то разумным источником, который находится вовне и не принадлежит к роду человеческому,

к человеческой цивилизации, к человеческой культуре, не является творением человеческого ума и человеческих рук. Свое происхождение и название сам источник часто намеренно скрывает и искажает. В ходе диалога контактанты получают информацию в виде текстов, рисунков, образов, мыслей, символов, идей.

Значительную часть контактов составляют астральные контакты, когда на связь выходят какие-то энергетические сущности. Именно таков контакт, в который давно вовлечен Сенин. Астральные контакты в большинстве случаев – принудительные, насильственные, свидетельствует статистика. Действительно, ни Голос, ни Видение не спрашивали Сенина, хочет ли он с Ними общаться и призывали контактанта на randevu, когда считали нужным (сам он звал Их редко, к тому же Они не спешили появиться сразу).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.